русский пионер

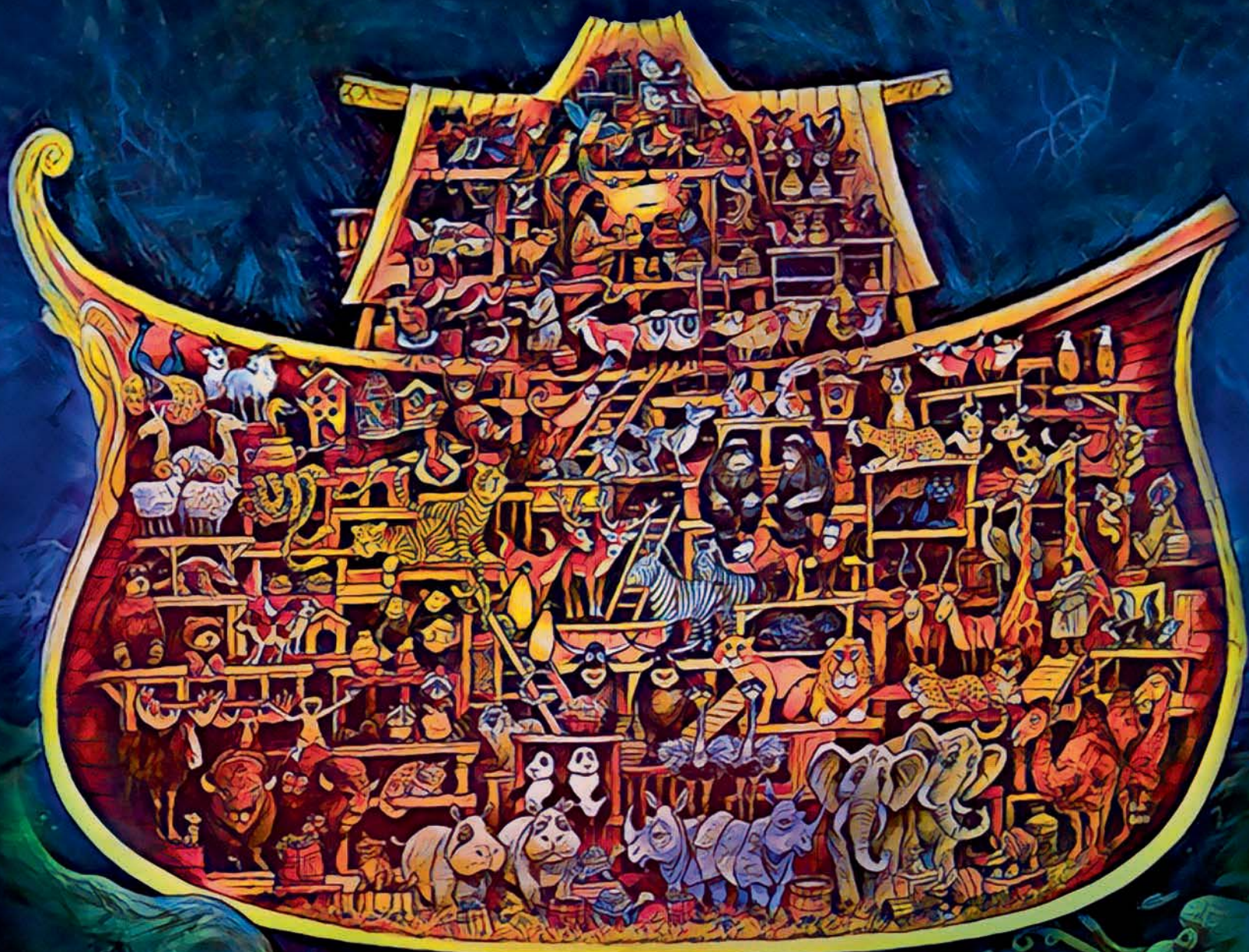
16+

Корабли

№5(74) июнь—август 2017

литературный иллюстрированный журнал

ISSN 2071-3037

Клятва главного редактора стр. 2

первая четверть

Урок литературы. Стихи есть порождение стихий. **Джахан Поллыева** про то, что море — это другое дело стр. 14
Урок правды. Номер Второй и Александра. **Марлен Хуциев** о том, как дух зла сделал доброе дело стр. 18
Открытый урок. Счастье инженера. **Алексей Рахманов** о том, что все начинается с идеи стр. 24
Урок физики. Такая тяжесть. **Андрей Макаревич** про необъяснимое чудо на воде стр. 26
Урок труда. Мускулы атомной подлодки. **Алексей Иванов** про то, как он Героя Труда получал стр. 28
Урок истории. Пионер госзаказа. **Сергей Нарышкин** про 350-летие легендарного корабля стр. 32
Урок географии. Мир глубины. **Анатолий Сагалевич** про свои погружения к «Титанику» стр. 34
Урок навигации. Судовой журнал мореплавателя Г. **Юрий Грымов** о своем почти кругосветном походе стр. 38
Урок уроков. Корабль спасения. **Андрей Десницкий** про библейский флот стр. 46
Урок памяти. Дед, корабль и счастье. **Анна Меликян** про величественное молчание самого лучшего человека на Земле стр. 48
Урок воздухоплавания. На границе стихий. **Андрей Богинский** о том, почему вертолеты и корабли так нужны друг другу стр. 52
Прогул уроков. Совсем не так, как поезда. **Татьяна Устинова** о том, что не жила, пока не увидела корабль на стапеле стр. 54

вторая четверть

Пионер-герой. Апостол Петр и мичман Куприянов. Обозреватель «РП» за штурвалом корабля *стр. 60*
Следопыт. Спасайся, «Варяг». Обозреватель «РП» идет на помощь самому гордому российскому крейсеру *стр. 70*

третья четверть

Диктант. Всё в том же русле. В тему номера *стр. 80*
Дневник наблюдений. Полярная перпендикулярная. Обозреватель «РП» на пути из варягов в греки *стр. 82*
Урок поэзии. Ради буквы и духа. Стихи **Демьяна Кудрявцева** *стр. 88*
Сочинение. Лисы в курятнике. Рассказ **Майка Гелприна** *стр. 90*
Комикс **Андрея Бильжо** *стр. 101*

четвертая четверть

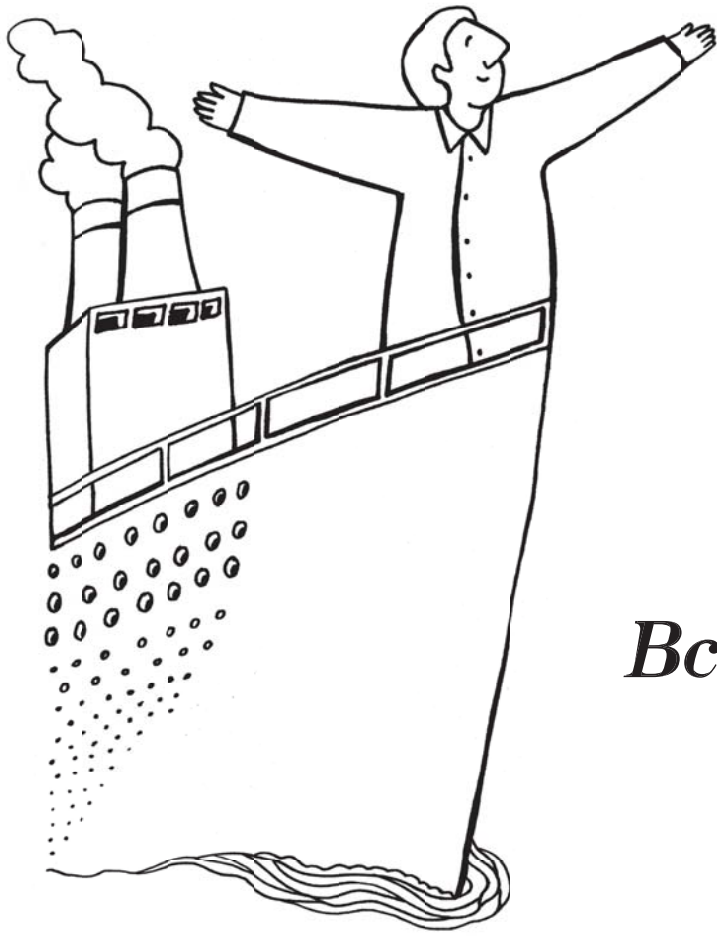
Урок мужества. Капитан. Обозреватель «РП» о бензине и коньяке в одной подлодке *стр. 106*
Фотоувеличитель. Корабли в моей гавани *стр. 112*

группа продленного дня

Правофланговый. Сын двух капитанов. **Виктор Ерофеев** о непростой судьбе моряка *стр. 122*
Чтец. Корабельная метанойя. **Дмитрий Бак** о людской кораблинности *стр. 124*
Пионервожатый. Мои свидания с Пикулем. **Виктор Олерский** о книгах, которые определяют судьбу *стр. 126*
Знаменосец. Время под водой. **Вячеслав Попов** о том, что еще не пришло время сказать, что же послужило причиной гибели «Курска» *стр. 130*
Звеньевой. Упрямство ледокола. **Александр Соловьев** о том, как он открыл мир свободы, странствий и путешествий *стр. 134*
Завуч. Люди и корабли. **Андрей Бильжо** со своей корабельной классификацией *стр. 136*

Звеньевой. Чтоб не укачало. **Кирсан Илюмжинов** о том, чем степь похожа на море *стр. 140*
Пионервожатая. Горизонтальное. **Алена Каримова** про пароходик, который как маленькая планетка *стр. 142*
Отличник. Как я материк открывал. **Лев Гельман** о своем морском путешествии, которое продолжается *стр. 144*
Центровой. Моя гоммоне. **Джанлука Изайя** про свою резиновую лодку *стр. 146*
Физрук. Мой персональный рай. **Илиас Кокотос** про жизнь на берегу моря *стр. 148*
Барабанщик. Корабли под Керченским мостом. **Алексей Гаврилов** про то, что каждый сам себе капитан *стр. 150*
Звеньевой. Поднял паруса и ушел. **Александр Носик** о том, как важно вовремя почувствовать ветер *стр. 152*
Звеньевая. Вина и невинности. **Екатерина Истомина** о прошлом, настоящем и будущем Балаклавы *стр. 156*
Пионервожатая. Окна океана. **Ольга Бузова** о том, что ее успокаивает *стр. 158*
Отличница. Возьмите кто-нибудь в круиз. **Ольга Аничкова** про малоизвестную актрису *стр. 160*
Запевала. За зипунами. **Сергей Петров** о том, почему войны не будет *стр. 164*
Горнист/Энотека. Гондольеры, хой! **Вита Буйвид** о своем подарке себе на день рождения *стр. 168*

Всегда готово. Случай с мамалыгой. **Николай Фохт** о необычном блюде с рыбой *стр. 172*
Внеклассное чтение. Между львом и драконом. Отрывок из романа **Алексея Геласимова** *стр. 178*
Внеклассное чтение. Носси-Бей. Отрывок из сценария **Владимира Кристовского** *стр. 182*
Литературный клуб. Победители третьего сезона Литературного клуба «Русского пионера» *стр. 186*
Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 191*

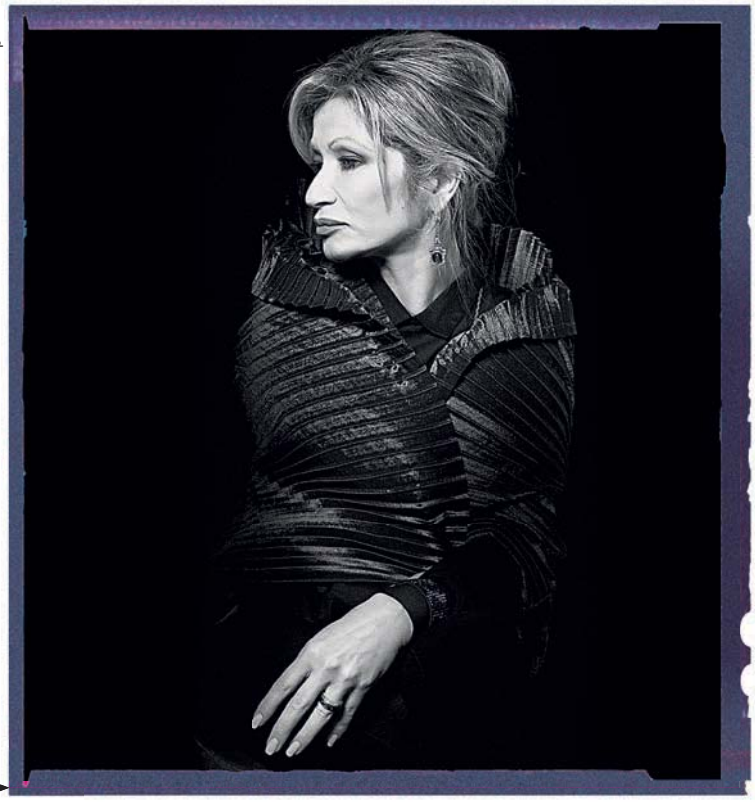
Всегда готов!

рисунок: анна всесвятская

Первая четверть.

Урок литературы. Стихи есть порождение стихий. **Джахан Поллыева** про то, что море — это другое дело. *Урок правды.* Номер Второй и Александра. **Марлен Хуциев** о том, как дух зла сделал доброе дело. *Открытый урок.* Счастье инженера. **Алексей Рахманов** о том, что все начинается с идеи. *Урок физики.* Такая тяжесть. **Андрей Макаревич** про необъяснимое чудо на воде. *Урок труда.* Мускулы атомной подлодки. **Алексей Иванов** про то, как он Героя Труда получал. *Урок истории.* Пионер госзаказа. **Сергей Нарышкин** про 350-летие легендарного корабля. *Урок географии.* Мир глубины. **Анатолий Сагалевич** про свои погружения к «Титанику». *Урок навигации.* Судовой журнал мореплавателя Г. **Юрий Грымов** о своем почти кругосветном походе. *Урок уроков.* Корабль спасения. **Андрей Десницкий** про библейский флот. *Урок памяти.* Дед, корабль и счастье. **Анна Меликян** про величественное молчание самого лучшего человека на Земле. *Урок воздухоплавания.* На границе стихий. **Андрей Богинский** о том, почему вертолеты и корабли так нужны друг другу. *Прогул уроков.* Совсем не так, как поезда. **Татьяна Устинова** о том, что не жила, пока не увидела корабль на стапеле.

из личного архива

Стихи есть порождение стихий

текст: джахан поллыева рисунок: леонид эдельштейн

Поэт и колумнист «РП» Джахан Поллыева с помощью Игоря Северянина и Марины Цветаевой разбирается не только в корабельных мачтах, но и главное — в одиночестве, и даже в гордом. Остается утешаться тем, что в этом номере она точно не в одиночестве. И это неодиночество — гордое.

И СОСНЫ — МАЧТЫ БУДУЩЕГО ФЛОТА...

Эта — всего одна — строка в длинном стихотворении Игоря Северянина помогла Марине Цветаевой сделать неожиданное открытие. И какое… «Это же и о нас с вами — о поэтах», — напишет она ему в письме, которое так и не решится отправить.

Я не помню, чтобы еще у кого-то было подобное сравнение. Приравнять корабельные сосны, выстоянные годами, к поэтам — это признать и признаться во множестве страшных вещей. Прежде всего — что «железная» стойкость дается в муках. Придется стоять на холодном ветру, борясь за место под солнцем, а расти — прямо в небо, дабы быть видимым и видеть все. Возвысившись над всеми — первым принять удар. А лишь падет с головы пышная крона (сиречь корона), остаться в полном одиночестве. Что еще тяжелее — в гордом…

В цветаевском сравнении судеб вижу многое. Высота мачты — высота падения. И… высота обзора уготованного тебе будущего. И хотя не новость, что к сильным поэтам слава чаще всего приходит после смерти, смириться с этим трудно. Зато, может, заслужишь еще одну жизнь, начнешь блуждать по морям и океанам. Однако все ли готовы к новым метаниям? Готовы ли видеть, как сбываются их пророчества? Наконец, готовы ли знать, в кого (или во что) однажды «переселятся» мачты? Жутко, что и говорить…

Мачты, фрегаты, паруса — бессменные темы в искусстве. Бесконечное, на протяжении тысяч лет, обращение поэтов к морю, любой воде — явление того же ряда. Пишут об этом, как и положено, бессознательно. Качаются на рифме, будто на волне, и отдаются ей почти на физиологическом уровне. Доверяют, как рыбы воде… Даже когда стихи о другом, нет-нет, но вдруг всплывет в них морской термин, фраза или образ, присущие лишь водной стихии. Достаточно прочесть предыдущий номер «Русского пионера» (а он целиком из стихов), как в совершенно неожиданном месте наткнетесь и на эти сравнения, и на аллюзии. К примеру, такие: «Вот лежат наших дней пожелтевшие ровные стопки — / Если б жили при печке, имели б запас для растопки, / Если б жили у речки, могли без конца эти воды / Укрывать кораблями, армадой своих пароходов». Или на такие: «Но два буйка, однако, похожи, как один, — / Мы все плывем куда-то, когда уж не стоим». Первые строки принадлежат главному редактору газеты «Коммерсантъ» Сергею Яковлеву, вторые — колумнисту «РП» Виоле Сюткиной. Но хоть буйки, хоть пароходы, любые «плавсредства», всем от них нужно одно: плыть, качаться, блуждать.

Почему же так тянет нас, прямоходящих, в плавание? Наверно, потому же, почему большинство людей всегда тянуло селиться в прибреж-

ных местах. Говорят, что таковых скоро станет две трети. Циники на это скажут: «Вода кормит». Соглашусь, если не забыли о пище духовной. А стихи тоже льются, струятся, текут. Понесут по течению мысли, захлестнут, накроют с головой и все равно прибьют к берегу. «Вернусь к тебе, как корабли из песни…»

Вы никогда не задумывались, откуда у Высоцкого так много песен о моряках и кораблях? Да, корабли — первое из тех чудес света, что были созданы человеческими руками. Им тысячелетия, вычеркнуть из генетической памяти невозможно. Но позвольте… Ладно бы пять, ладно десять — но ведь почти тридцать песен о тех, с кем не служил годами, не съел пуд соли, не рвал и не штопал парус, не сидел на дне в подводной лодке! О летчиках и небе песен меньше. Значит, не оно, а море было ЕГО стихией. У каждого она своя, а у него была эта. «Мы научились штопать паруса и затыкать пробоины телами», — пел он, будто делал это сотни раз. И будто нет альтернативы этой философии жизни — и жертвенной, и неистово вольной; то бушующей океаном, то текущей медленной рекой; пугающей и разрушающей своими противоречиями, но связывающей всех нас, живущих в этой стране. В морской, между прочим, державе…

Да, любая из стихий дарит испытания. Их боятся, и в них же маниакально идут — лезут на рожон, потом молят о пощаде. Но из всех нам родней всего вода: она наш дом, мы все родом оттуда. И, потеряв плавники и жабры, до сих пор ищем «путь домой», хотим в нем бывать чаще. Пустившись когда-то в этот путь на плотах, перешли сначала к деревянным коробам (отсюда и старорусское «корабь»), затем к быстрым фрегатам, ну а теперь — что уж тут мелочиться! — строим корабли как новые города. Высокие. Гигантские. Стальные. Но так же блуждающие, как и утлые суда, что первыми искали свое место на голубой от морей и океанов планете.

Видимо, планида у них такая, у кораблей. «Планить» — это ведь тоже «блуждать». Судьба такая, значит…

P.S. Говоря же об этом рационально, стоит добавить, что именно с кораблей начался прорыв в новую эпоху — эпоху не только географических, но и технических открытий. Каждое вновь построенное судно привлекало к себе всякого, кто жаждал быстрее увидеть в деле свои изобретения. К корабелам стремились и инженеры, и архитекторы, и скульпторы, даже ткачи — с их легкими, как небо, парусами. И это морские корабли стали первопроходцами в искусстве навигации и рулевого управления, в испытании средств связи и материалов — всего того, что позднее оказалось необходимым и дирижаблям, и самолетам, и ракетам. То есть всем воздушным и космическим судам, также именуемым кораблями. И здесь, пожалуй, точка.

НЕ ПТИЦЫ…

1.
Стихи есть порождение стихий,
бушующих внутри, как шторм на море.
Стоим мы перед выбором плохим,
когда они рождаются от горя.

И все равно за ними мы идем,
а навигатор — боль, ее не сбросить.
По курсу боли напрямки дойдем.
А галсами — лишь карму портить…

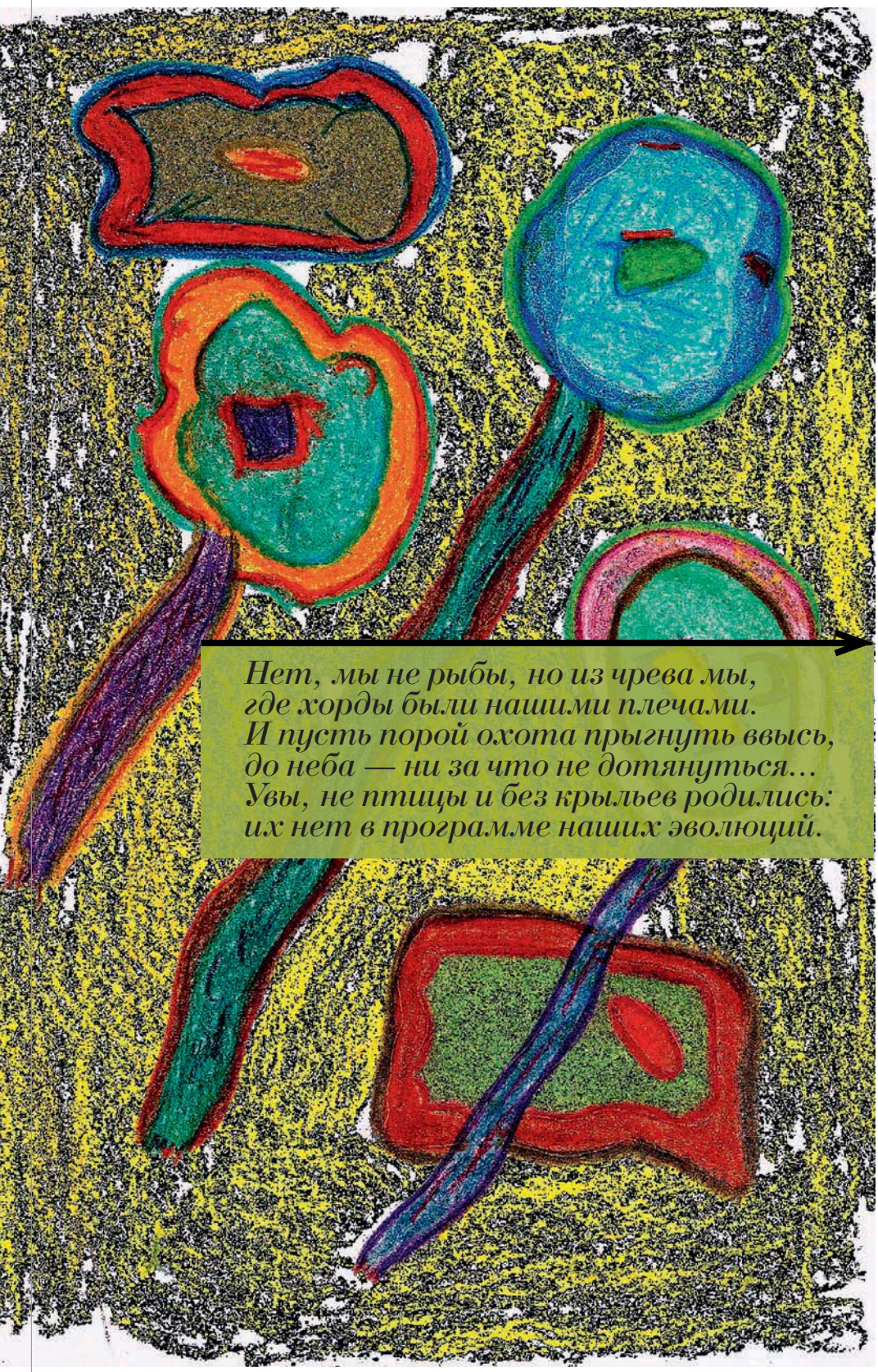
Глотая соль, стирая в пыль хребты,
взрослеем молчаливыми ночами.
Нет, мы не рыбы, но из чрева мы,
где хорды были нашими плечами.
И пусть порой охота прыгнуть ввысь,
до неба — ни за что не дотянуться…
Увы, не птицы и без крыльев родились:
их нет в программе наших эволюций.

Нырнув же вглубь, в миры своих пещер,
крепчаем чешуей — не плавниками.
С давлением в десятки атмосфер
что толку двигать ими и… мозгами?
Всплывать наверх резона вовсе нет:
кессонная тотчас погубит гордость.
Лежим на дне — там проливает свет
на жизнь вверху чернеющая пропасть…

2.
Поверхностная жизнь — она плоска:
как на подносах, плавают кувшинки.
На топкий мир взирают свысока —
на гибких стеблях ни одной морщинки.
Здесь ветром не поднимется волна,
а если всколыхнется, лишь как студень.
Не вязнет в нем Кикимора одна…
Топь благосклонна к чудищам. Не к людям.

Другое дело — море… Соль его
горчит слезами, пахнет нашей кровью.
Не потому ль притягивает дно
обманутых поверхностной любовью?
И не в свое ли прошлое бегут —
холоднокровное, спиралью завитое?
Калачиком свернувшись, упадут…
Не точкой конченой, а все же запятою.

3.
В нас родовые признаки кричат…
Есть люди-реки, плавные в речах,
а есть как море — рьяные трибуны!
Кипят энергией, а что не так, рычат,
обрушивая на других тайфуны
из грозных слов… Но первый же прибой
на гальку мелкую швырнет их и погасит.
И, пошипев змеей, прикроют пасти,
кто с океанским гулом рвался к власти

Нет, мы не рыбы, но из чрева мы,
где хорды были нашими плечами.
И пусть порой охота прыгнуть ввысь,
до неба — ни за что не дотянуться…
Увы, не птицы и без крыльев родились:
их нет в программе наших эволюций.

и с пеною у рта кидался в бой…
В стране, где большинство течет рекой,
на популистский кастинг — ни ногой!
За право силы людям дай покой.

4.
У океанских волн характер крут…
Кромсают берег крупными кусками.
А с самолета кажется, что спрут
гигантский, мерзкий, клацая зубами
и пенную слюну от нетерпенья
разлив везде, куда лишь взгляд упал,
сгребает, как игрушки, груды скал
и топит их с звериным наслажденьем.

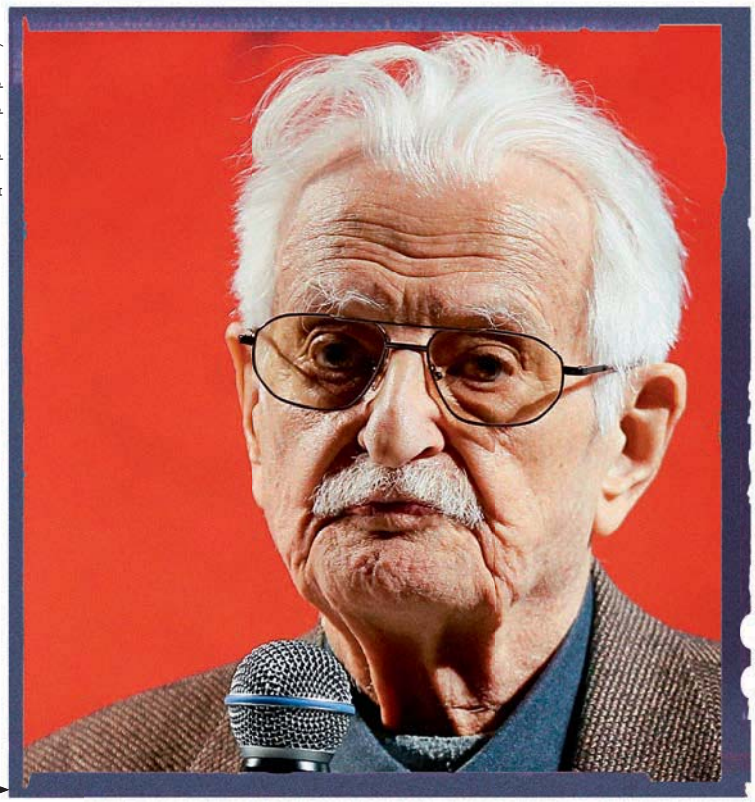
Но даже их забрав в свои владенья,
не остановится… Отнюдь не вдруг
тут забурлит водоворота круг
и мели вырастут за пять минут
на месте гор — как кол, они остры!
И здесь уже хоть до смерти тяни
в свою пучину, будто в паутину,
нагруженные златом корабли.

У океанских волн характер крут —
того гляди, чего-нибудь сопрут…

5.
Тот, кто придумал строить корабли,
наверное, возвел сначала город…
И был им горд. Но утоливший голод
желает пить. А после — ждет любви.
Когда же нет ее, возводит короб,
чтобы уплыть и спрятаться вдали.

Клетушку эту строя у воды,
ломает голову: ну как бы так устроить,
чтобы дойти до Дарданелл и Трои,
и чтоб в пути был свеж и бодр духом,
и чтоб и кузня там была, и кухня,
и чтоб ветра ему не дули в ухо,
а кровля не текла… Et cetera.
Не поплывет, однако, — тяжела.

Тут все же, пальцы искусав до крови,
он чертит мачту с парусом и кроит
каюты морякам, потом — гостям:
а как без них?! Но вешает на короб
на случай шторма легкие плоты.
И так — пока не кончатся мечты…
Кто строит корабли, тот строит город.
Любовь и впрямь не терпит пустоты.

Дмитрий серебряков/тасс

Номер Второй и Александра

текст: марлен хуциев рисунок: аксеновы

Сорвалось. А ведь как ладно было бы — корабль «Русский пионер». Да с таким названием хоть куда, хоть в девятый вал, хоть в Бермудский треугольник. И почти получилось: лишь в последний момент создатель корабля решил дать игрушечной яхте имя своей внучки. Тоже хорошее название. Режиссер Марлен Хуциев снова пишет кино, а может быть, даже мультфильм.

ПРОШЕЛ слух.

Большой адронный коллайдер стер пять параллельных миров. Начисто! Недоглядели — вот он и проявил инициативу.

Тут задумаешься. Вот — сюжет! Ну что рядом встанет?

Да и вообще, не примелькался ли я в «Русском пионере», не слишком ли разогнался, может, стоит объявить антракт? Допустим, мне интересно то, о чем я пишу, — а другим? Пишу это совершенно не для того, чтобы сказали: «Ну что вы, что вы!»

Это не нужно совершенно. Просто читающий не должен скучать, зевать, пролистывать — а это непросто. К читателю нужно относиться бережно, к себе же — безжалостно. Вот если так, может, что и получится.

Корабли. Тема замечательная, устоять трудно. Есть, наверное, такие люди, которых не волнуют бушприты, паруса, маяки, штормы, Стивенсон и Киплинг, — но люди это очень скучные, надеюсь, что они в меньшинстве. Так же как и оголтелые романтики, поющие про бригантину с просветленными лицами…

Хочется написать о людях, у которых все хорошо, святочный такой рассказик. Да еще добавить к нему сюжет для мультфильма (всегда хотелось придумать мультфильм).

Может быть, потому, что окружающая действительность не слишком доброжелательна — скорее, непредсказуемо зубаста…

…Он называл себя «Номер Второй». А звали его Александр Иваныч, и был он замечательным краснодеревщиком и реставратором старинной мебели. Кто был «Номер Первый», он не знал, но предполагал, что такой имеется, ну не может не быть. Человек он был скромный, но цену себе знал.

Он был счастливый человек. Во-первых, он занимался делом, которое любил, в котором знал толк, и дело это приносило ему немалый доход и еще уважение. К нему записывались, и очередь была длинная. Да и не за всякую работу он брался.

Всю жизнь занимаясь деревом, он заработал аллергию на древесную пыль. Аллергия, как и положено, обострялась весной.

Была весна, была аллергия, он шел к врачу. Врач был очень хороший (А.И. имел дело только с первоклассными специалистами). Врач был ему всегда рад, потому что любил хорошую мебель, а хорошая мебель нуждается в присмотре — особенно старая, антикварная.

Что-то вступление затянулось. Ничего, сейчас кончается.

На переходе через кольцо, у Курского, мастер увидел на мостовой кораблик. Самодельный, плохенький, он лежал на мостовой, и косой парус его из

школьной в клеточку тетрадки бился, как мотылек о стекло. Он должен был погибнуть под колесами — движение было сильное, — но ему везло. Вот вылетел какой-то невероятный щебеночный грузовик. «Ну, все!» — подумал А.И. Но нет, кораблик прибило к тротуару, он уцелел.

— Молодец. — Мастер нагнулся и подобрал. — Везучий ты.

Был в этом какой-то знак, что-то это должно было означать.

— Разберемся…

Кубик — а кораблик был сделан из кубика, были такие наборы, кубики разных цветов — сделан был на редкость скверно, оскорбительно скверно. Было видно, что нож, которым заостряли нос, был тупой, он не резал — скалывал дерево…

— Руки оторвать… — А.И. всегда сердился, когда видел плохую работу. — Ладно, полежи, просохни.

Он поместил кораблик на батарею. Положил и забыл о нем. Он был очень занятой человек. Нужно было принести в мастерскую (дома он не работал) выдержанный массив эбенового дерева, он долго его выслеживал. Нужно было заказать новые резцы, а мастер тянул — не было подходящего металла, а мастер был хороший, халтуры себе не позволял… Нужно было глянуть конторку, как говорили, Петровских времен (точно как у Алексея Толстого). Еще перламутр для инкрустации, еще камин подвернулся, именно такой, какой хотел…

Я уже говорил, что А.И. мог себе позволить все, что хотел. Захотел камин — стоит камин. И не какой-нибудь декоративный — топить можно. Как это было сделано, очень длинная история. Захотел посмотреть мебель в запасниках Эрмитажа — посмотрел, захотел посмотреть мебель польских королей — посетил Вавель, там ренессанс интересный в смысле резьбы… Когда уставал, перечитывал «Огонек» с 28-го по 53-й год, переплетенный одним из лучших переплетчиков Москвы, или «В августе 44-го…», журнальный вариант, знал почти наизусть — и с автором был знаком. А вообще, был он человек одинокий.

По субботам приходил племянник, тоже краснодеревщик, но, конечно, не такого класса. Племянник приходил с дочкой, и они втроем пили чай. Сидели за старинным столом, Александра — так звали дочку племянника — пила чай из голубой чашки. А.И. смотрел и умилялся. Александра была уже не совсем маленькая девочка, она училась в третьем, а может, в четвертом классе. Это не важно. Важно, что она была умная девочка. Она хотела быть астрономом. А.И. подарил ей телескоп. Подарил старинный глобус… И вообще баловал. Комната Александры была похожа на музей: маленькое трюмо из серого клена, маленький письменный стол красного дерева — ящички с секретами, секретер карельской березы с бронзовыми накладками, кресло-качалка колониального стиля, как у Киплинга, — да что говорить, не у каждой девочки есть такая красивая и добротная мебель. И тем контрастнее на этом антикварном фоне виделся любимец Александры — ноутбук.

— Ой, — сказала Александра. — Кораблик!

— Это чепуха. — А.И. взял с батареи высохший, безобразно кривой кусок дерева.

— А мы его покрасим…

— Не в этом дело… Тут нужно…

— А мы его пустим в Москву-реку…

— Вот это? — презрительно сощурился А.И. — Это позор, это без меня…

— Как мне нравится… — Александра взяла кораблик в руки и тут же занозила палец.

А.И. пошел за зеленкой.

— Ладно, — сказал, вернувшись. — Попробуем… У кого зеленые лапки?

— У русалок, — сказала начитанная Александра.

— У лягушек. — А.И. легонько щелкнул ее по носу. — Ладно, сделаем!

И он действительно сделал. Уж он постарался! Начал с того, что просмотрел по книгам все возможные модели парусников. Все отверг. Получился корабль, ни на что не похожий. Вроде бы яхта, но корма слишком высокая. Заказал токарю — хорошему токарю, которому доверял делать петли для шкафов и буфетов, — шесть маленьких пушечек, по три на каждый борт. Пушки были бронзовые и могли стрелять — сделаны были под самую мелкую дробь…

У А.И. был приятель, журналист. А.И. называл его Фильтоныч (когда-то журналист писал фельетоны, подписывался Мих. Татанский. Но это было давно. Сейчас он писал всякую несерьезную мелочь, а для себя сочинял «Московские скрижали, или Записки старого газетчика».

Вот с ним А.И. и опробовал пушки. Было много дыма, воняло серой, разбилась рюмка, но стреляли пушки исправно.

Фильтоныч осмотрел корабль.

— Да, работа! — Особенно ему понравилась резная золоченая корма и тоже золоченый бог Нептун, подпирающий бушприт. — Для музея?

— Для Александры. — А.И. и сам видел, что корабль получился вполне достойный. — Обрати внимание — паруса! Голландское полотно. Канаты — крученый шелк. Якорь…

— Из гвоздя выпилил.

— Булат, кованый. Михаил из Исторического музея сделал… Ну ты его знаешь, отдел мелкой пластики… А лак — кремлевский. Алексей дал пузыречек.

— Это который Алексей? К кремлевским паркетам приставленный?

— Он. Этот лак — вечный. Рецепт — государственная тайна.

— Красиво! На камин поставь.

— В воскресенье будем на воду спускать. Приходи, у Дома на набережной, там, где речные трамвайчики пристают, где ступеньки.

— Жалко, музейная вещь…

— Это Саше подарок, она четверть без троек отработала. Заслужила. Она весь свой класс приведет. А вот это — видишь? Капсула с Сашиным электронным адресом. Я-то в этом не очень разбираюсь… А Саня говорит, если кто найдет кораблик, сможет сообщить ей…

— А может — не сообщить.

— Обязательно вот надо все испортить… Ты, кстати, закончил свои — как их — наскальные заметки?

Но Фильтоныч не стал обращать внимание на какие-то там колкости в свой адрес. Он был настоящий газетчик — азартный и предприимчивый.

— Так он что, и вокруг света может обойти?

— Вполне. Есть такая надежда. Сработано крепко, почему нет.

— Так-так, это хорошо, это очень хорошо… А как назовем? Есть потрясающее название! Слушай — потрясающе! «Русский пионер»!

— Не понял!

— Ты погоди! Погоди… Есть такой журнал, орган такой содержательный… Печатный.
— Не читал.
— Не важно. Я тебе говорю, они за это ухватятся! Это же… грандиозно! Им — реклама! Ты представляешь, какая это реклама! Будут спонсорами! В этом деле без спонсора — никуда… Положим в капсулу их электронный адрес… Я репортажи буду писать! Ух! Перспективы… Ты чувствуешь, какие открываются! Голова кругом…
— Нет, — сказал А.И. — Не нужно этого.
— Дубина, ты дубина! Что тебя не устраивает? Название? Не веришь, что получится? Зря, поверь мне…
— Да не в этом дело…
— А в чем, в чем дело — скажите мне?!
— В названии. Название — «Александра». И это не обсуждается.
— Счастливого плавания! — Фильтоныч встал. — Три или сколько там футов под килем! А-а! — грохнул дверью.

ДНЕВНИК АЛЕКСАНДРЫ. ПЕЧАЛЬНЫЙ ДНЕВНИК

30 апреля. Сегодня спускали корабль на воду. Я сочинила песню «Плыви, кораблик». Поплыл хорошо. Махал нам флажком с буквой «а» (это мой инициал). Песню петь я не стала, если бы стала — обязательно бы заплакала. Мне очень грустно.

---

2 мая. Я болею. Ухо болит. Завязали шарфом. Я похожа на зайца. Смотрела на Луну в телескоп. Какая-то она печальная… Мне тоже грустно… Про кораблик стараюсь не думать.

---

2 июля. Вот уже два месяца прошло. Никаких вестей. Пропал, пропал — так и знала. Конечно, он маленький, конечно, утонул. Дядя Саша обещает сделать другой, лучше. Я ничего не хочу. Теперь мне всегда будет грустно…

---

15 августа. Сегодня мой день рождения. Приехал дядя Саша. Подарил часики с перламутром. Про кораблик не говорили… Ели торт. Был Серега. Он на класс старше и хулиган ужасный. Он — мой друг. Тайна это. Всем показал татуировку — выше локтя маленький синий кораблик, и буква «а», и еще волны… Дядя Саша сказал, что он знает, что делать.

---

10 сентября. Ходили к колдунье. Она знакомая Фильтоныча. Фильтоныч тоже с нами ходил. Колдунья мне понравилась. У нее черная кошка с необыкновенно лучистыми глазами, таких никогда не видела. И еще маленький совенок, он ходил по столу…
Колдунья курила папиросы… Она смотрела в хрустальный шар, сказала, что видит, как кораблик плывет по подземной реке, называется река Орибус. Я сказала, что не знаю такой, а колдунья сказала: конечно, она же подземная. Я сказала, что несколько раз видела сон: черная вода и вдали, далеко-далеко, наш кораблик. А колдунья посмотрела на меня так и говорит: у тебя есть способности, покажи-ка ладошку! Говорила что-то… Я не поняла. Сказала, что скоро Крот пришлет мне электронное письмо. Какой крот? Потом дядя Саша и Фильтоныч говорили с колдуньей про какого-то Сталина. Я не знаю, кто это… Дядя Саша спросил, может ли этот Сталин приходить в свой кабинет.

(Тут требуется разъяснение. А.И. — дядя Саша на общественных началах приглядывал за мебелью свезенного в Горки сталинского кабинета и гордился этим.)

Колдунья сказала:
— Да. Трубка же теплая.
Дядя Саша очень удивился. «Откуда вы знаете?» Колдунья ничего не сказала, только улыбнулась. Она улыбается как кошка, одинаково.
— Вы газеты на стол его рабочий положите.
— Какие?
— Любые. Свежие. И синий карандаш.
— Зачем?
— Вы задаете странные вопросы.
Когда уходили, колдунья тихо сказала мне: «Береги голубую чашку».
Дядя Саша сказал: «А вы заметили, у нее настоящие виндзорские стулья (так кажется — ничего особенного…). У этих стульев сиденье делается из вяза, а гнутые части — из тиса!» Ну, он знает. Кошка мне очень понравилась.

---

1 октября. Письмо! Пришло! По электронной почте. Кораблик нашелся. На Псковском озере (посмотреть по карте — где это). Как он туда попал? Ну, не важно… И действительно — Крот. На самом деле его зовут Николай. Он кладоискатель. Пишет, что отослал нам по простой почте каменный наконечник первобытного человека, что заменил паруса, проверил пушки…

У него есть маленький сын Константин… Я написала, что если нравится, пусть Константин возьмет себе одну пушку. Ничего. Хороший день. Николай обещает пустить кораблик («Александру») в Финский залив. А там и Балтийское море рядом — мы по карте смотрели…

…«Александра» проплывала мимо острова Даго, по-эстонски — Хайумаа… С берега ее видел бородатый человек с обыкновенной эстонской фамилией Куйк. Кораблик его не заинтересовал, да и заметил ли он его? Эстонец был, как всегда, задумчив, как всегда, думал о закате Европы… А может, о бароне Унтерне — кто его знает?

А.И. — дядя Саша приболел. Давление. Отложил все заказы. Даже одного серьезного банкира с его книжными шкафами, немецкими, стиль поздний модерн, отставил.
Может, сказалась перемена погоды — для ноября колебания были резковаты, а может, причиной были газеты — «Московский комсомолец» и «Известия» — с пометками синим карандашом?

ДНЕВНИК АЛЕКСАНДРЫ (УЖЕ НЕ ПЕЧАЛЬНЫЙ!)

«Уважаемая госпожа Александра! Я встретил вашу яхту в Атлантике (широта, долгота, время — все указано).
Несмотря на небольшой шторм, яхта (по силуэту ваш корабль все-таки яхта, пушки — совершенно лишние, впрочем, это не мое дело) шла хорошо, воду не черпала — что говорит о правильной балансировке. Я принял ее на борт моего сейнера “Морской Эльф”, чтобы получше разглядеть. Пришлось немного поправить такелаж, и теперь “Александра” стоит у меня в каюте, и вся команда моего “Эльфа” приходит посмотреть на нее и полюбоваться первоклассной работой, с которой она выполнена. Высылаю вам ее фотографию, а также фотографию “Морского Эльфа”. Хотелось бы от всей души пожать руку замечательному мастеру, который сумел создать такой отличный корабль. Не думал, что русские на такое способны. В первом же порту лучшая трубка и лучший табак будут отосланы ему в знак уважения.
Свен Юханссон, капитан “Морского Эльфа”
20 ноября 2016 года
Атлантический океан (координаты)».

Ну, здорово! Дяде Саше приятно будет!
Завтра напишу ответ. (Узнать, он кто, Свен этот, — датчанин или кто?)

ДНЕВНИК АЛЕКСАНДРЫ

30 декабря. «Индийский океан.
Идем параллельным курсом.
Желаю удачи. Авианосец “Айдахо”.
Адмирал Дж.Ф. Хаггард».

Ух, здорово! Жалко, нет адреса… Серега говорит: правильно, что нет. Они же все секретные… Видела по телевизору авианосец — ну, громадина! Интересно, где в Индийском океане, он большой…

МОРСКИЕ РАЗБОЙНИКИ

Все звали его Гурам Горбатый, или Горби Гурам, хотя никакого горба у него не было. Но так почему-то казалось. (Гоголь Николай Васильевич очень точно подметил: есть такие люди.)
Был он невысокий очкарик, не очень удачливый, не очень к себе серьезно относящийся. По профессии он был кинооператор. И очень много говорил. Теоретик, критик, искусствовед — это все он, Гурам. Он считал, и совершенно серьезно, что Виго, Ален Рене нисколько его не лучше, и очень обижался, что кроме него никто так не считал. Уязвленного самолюбия был человек. А это опасно, особенно для грузина…
…Сорвались лекции о Пиросмани. В самый последний момент американцы отыграли назад, конечно, с бесконечными извинениями и обещаниями, — он оказался в психологическом тупике. Не самое лучшее состояние… Нужно было выбираться, и он пошел к своему другу (друзей у него было много) в ЦЭНТ.
Друг-психолог, конечно же самый лучший — других у Гурама не было, — принял его прекрасно. И с ходу принялся анализировать и толковать его необычайно сложный внутренний мир. Они замечательно общались несколько дней (у друга-психолога как раз не было серьезных пациентов, и он мог позволить себе поболтать свободно и раскованно).
Но вдруг все изменилось.
— Знаешь, займись ты делом, — неожиданно вдруг предложил психолог. — Брось ты этот свой дуализм… брось, ей-богу!
— Я не понимаю тебя…
— А чего тут понимать… Эго у тебя завышено — вот так, друг мой. А в остальном… Комплексы? У всех комплексы… Вот сейчас мне везут одну тетку… Вот это, я тебе скажу…
— Меняешь друга на женщину…
— Меняю… меняю… Машину я меняю… — Друг-психолог стал очень задумчивый. — Говорят, совершенно сумасшедшая, — весело сообщил, подмигнул: — Вылечим!
— Как ты самоуверен!
— Послушай, — психолог был очень серьезен, — а у меня есть выход? У мужа половина сибирской нефти, заодно и газа… Мне дачу достроить нужно… Знаешь… ты или… мне тут… подготовиться, то да се… Не забывай меня! Кроме дружбы что еще есть на свете?!
В пираты идут от обиды, от отчаяния.
А как хорошо все начиналось! Какая замечательная компания подобралась: все красавцы, все кавказцы! Друг одолжил яхту, одолжил легко, ни о чем не спрашивая. И уже через несколько дней вышел в море пиратский корабль, единогласно названный «Сулико».
Но — не задалось. То попадались корабли слишком большие, с которыми связываться было опасно, и их пропускали, даже и не пытаясь напасть. То маленькие, неказистые — эти тоже пропускали: что с них возьмешь? И постепенно безжалостный пиратский набег превратился просто в морскую прогулку. Загорали, купались, а как славно пелось по вечерам, под крупными южными звездами. Далеко разносилось по воде грузинское редкой красоты многоголосье.
Явился однажды кит — так, средних размеров. Долго слушал, а потом пустил приветственный фонтан, нырнул и сгинул в глубинах океана. Все это было хорошо, но добычи не было, а что за пираты, что за каперы, что за флибустьеры без добычи? Команда оказалась беспечнейшими людьми, не было в них ни алчности, ни кровожадности…
И капитан пиратского корабля Гурам Горбатый заскучал. Вот ходит он по

коралловому острову (команда, конечно, купается), злится, а что делать — не знает… Шепчет: «Или, бунт на борту обнаружив, из-за пояса рвет пистолет…» Но бунта нет. Пистолет — игрушка — издали попугать… Есть не очень свежая рубаха, правда, с кружевными манжетами, есть раздражение… И зудит, зудит над ухом тропический комар. «Неудачник! Неудачник!!!» Бродит, бродит и ничего не может придумать! И вдруг что видит он: к коралловой ветке пристал игрушка-кораблик! Вот оно, вот! Читал он где-то: когда удачи нет, нужно принести жертву… Посейдону, Морскому дьяволу — не важно! Жертву! И попросить. Ну чего им стоит! Пусть удача подмигнет своим цыганским глазом — и явится островок, как в «Графе Монте-Кристо», как в «Острове сокровищ»… И пиастры, пиастры, пиастры! Не нужно много, не нужно! Главное — не будет позора, не будут тыкать пальцами: «Неудачник, неудачник!»

— Эй, команда! — кричит капитан, и голос его грозен. — Ставь паруса, заводи мотор! Шевелись, акула вам в печенку, — отплываем!

…Морской дьявол, господин мой, мой повелитель! Прими мою душу, дай мне удачу! Смотри! В твою честь я сейчас сожгу этот чудесный кораблик, эту игрушку! Прими мою жертву, дай мне удачу… Ты же можешь! Укажи островок, тот самый, заветный! Я обращаюсь к тебе, Морской дьявол, я, Гурам, в чьих жилах течет кровь царей Кахетии…

Он стоял на палубе — в одной руке зажигалка, в другой «Александра» с поникшими парусами, сжавшаяся, как воробей перед дождем.

На каминной полке рядом с часами стоит кораблик. Горят на борту буквы. «Александра» на борту авианосца, «Александра» в гостях у японских моряков, «Александра» на фоне подводной лодки.

Все было как в книжках. Ветер стих. Тьма. И вышел из тьмы скелет корабля с оборванными парусами, который — все моряки знают это — зовется «Летучим голландцем».

Миг — не стало грузинского пиратского корабля «Сулико».

А «Александра» плавно приземлилась на заросшую водорослями, покрытую ракушками пустынную палубу.

Все как в книжке: дух зла сделал доброе дело.

…И вот уже светило солнце, океан был мирен и благодушен, «Александра» ходко двигалась в направлении «ост». И как медаль горела на ее борту золотая монетка, дар непостижимой, но справедливой Силы — талисман-охранитель, тот самый пиастр, еще доколумбовых времен…

С «пиратами» тоже все обошлось. Ну посидели дня три на необитаемом островке, поголодали… А потом их снял бразильский сухогруз… А Гурам работает на ВДНХ (сейчас по-другому называется), у фонтана «Дружба народов». Фотографом. Ничего, доволен.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПИСЬМО:

«Видел ваш корабль у берегов Хоккайдо. Он шел сквозь бурю, как настоящий самурай, бесстрашно и гордо!

Капитан императорского флота

Иоко Иремицу.

Госпожа Александра! Примите в знак уважения точную копию самурайского меча, который принадлежит нашей семье вот уже пятьсот лет (14 поколений).

С таможней у вас неприятностей не будет, это сувенир.

6 января 2017 года. Японское море».

И ЕЩЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ПИСЬМО:

«Здравствуйте, дорогие товарищи! Видим “Александру” в перископ. Идем с задания во Владивосток, порт приписки. Примем на борт, если нужно, дадим ремонт. Не беспокойтесь, мастера у нас классные. В феврале капитан третьего ранга Матросенко А.Б. будет в Москве по делам, он доставит вам посылку и фотографии.

С морским дальневосточным приветом

Адмирал Т/ф Соленых К.П.

30 января 2017 года».

— Ух ты! — сказала Александра. — Обзавидуются все!

Маленький самурайский меч она на время отдала своему другу Сереге, все еще ужасному хулигану. Александра — добрая.

И вот 23 февраля звонок в дверь. На пороге — морской офицер, в руках — большая коробка.

— Здравия желаю! Александра здесь проживает? Можно ее видеть?

На каминной полке рядом с часами стоит кораблик.
Горят на борту буквы. «Александра» на борту авианосца, «Александра» в гостях у японских моряков, «Александра» на фоне подводной лодки (номера и названия, конечно, не видно — государственная тайна). Команда взяла под козырек. Оркестр. Поднятие флага — это Владивосток.

«Александра» стоит слева от часов, справа подарок — модель подводной лодки. Сделана отменно. Мастера на флоте действительно классные. Самурайский меч временно отсутствует, гостит у Сереги.

А.И. — дядя Саша курит трубку — подарок шведского капитана.

— Какой материал! — волнуясь, говорит Фильтоныч. — Потрясающий материал! Напишу — и в «Русский пионер»! Юрка Рост снимет тебя с Александрой, а чего скромничать?! — Александр Иваныч — дядя Саша благодушно кивает, весь окутанный душистым табачным дымом. — Форточку бы открыл, ребенок в доме! Сашка, ты не задохнулась еще?

Александра пьет чай из голубой чашки и улыбается. Все закончилось хорошо. Да и вообще — все хорошо!

— Да, да! — не унимается Фильтоныч. — Только в «Русский пионер»! Только! Их материал! Вот напишу — и покажу… Должны заинтересоваться… А ведь он придет, Фильтоныч. Если он что задумал, он своего добьется. Он упорный.

Так что — ждите!

из архива пресс-службы ао «оск»

Счастье инженера

текст: алексей рахманов рисунок: леонид эдельштейн

У главы Объединенной судостроительной корпорации Алексея Рахманова когда-то по венам вместо крови тек бензин. Теперь, надо полагать, течет морская вода. И так и будет течь — ведь он собирается работать вдолгую и без крови. Прочитав эту колонку, можно попытаться представить, есть ли у него шанс.

ВО ВРЕМЕНА, когда я учился в институте инженерному делу, мой учитель говорил: для инженера нет ничего важнее одной, казалось бы, простой вещи. Счастья.

Да-да, счастья! А оно наступает в тот момент, когда то, что нарисовал на бумаге, наконец удается увидеть «в железе». Увидел и без толковых словарей понял, что такое созидание. Почему? Потому что коснулся его кончиками пальцев.

Шутка ли — из груды мятых бумажек, непонятных рисунков и вороха полубезумных идей вдруг рождаются выверенные чертежи. А уже из этих — по сути, тоже бумажек, пусть и красиво расчерченных, — появляется железяка. И эта железяка — всем железякам железяка! Лучшая в мире!

Разве ради этого не стоит жить?..

Все начинается с идеи — может, с большой, а может, и не очень. Но навязчивой и отчетливо стоящей перед глазами, хотя, наверно, и это не обязательно. Лишь бы начала «заводить», приводить нас в движение. Мы стремимся к ней, когда встаем по утрам, чистим зубы, идем на работу. И идем дальше. Все больше и больше…

Помню, был одержим инженерной лихорадкой, когда еще не понимал значения ни одного из этих слов. С трех лет с дедом в гараже ремонтировал его старый «москвич», после — с отцом — первый «запорожец». А потом появились «жигули», и мне стало скучно: с этой машиной практически ничего не нужно было делать, не нужно было лежать под ней каждой весной.

Но, придя в свой нижегородский политех, обнаружил себя в компании таких же странных людей. Мы шутили, что здесь собрались те, у кого с рождения по венам течет не кровь, а бензин. Нам страшно хотелось «перезапрячь телегу» автомобильной промышленности.

И мы, конечно же, считали, что лучше других знаем, как это правильно устроить…

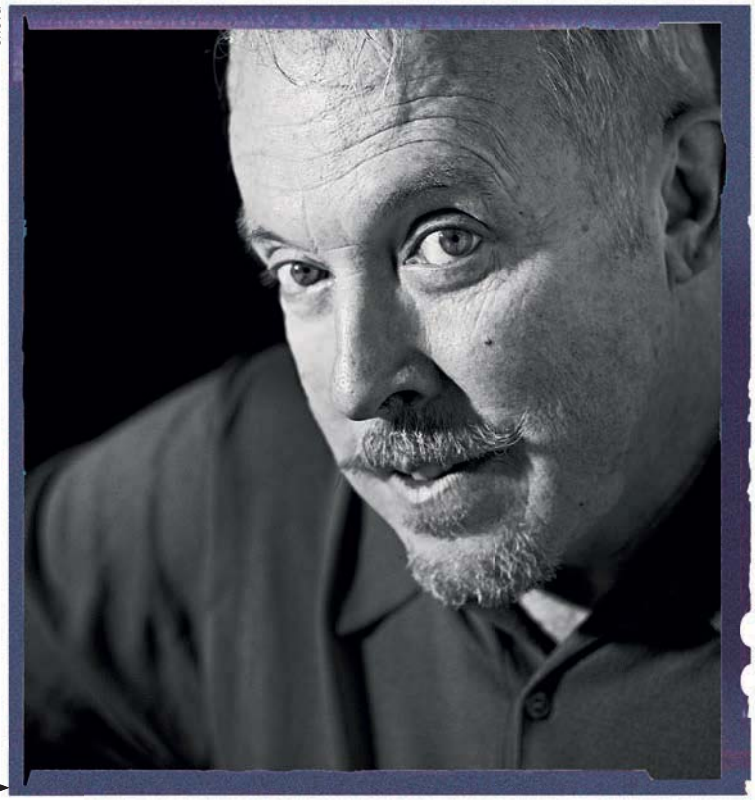
Я посвятил десять лет птице-тройке автомобилестроения. А когда собрался к судостроителям, мне сказали: от одной телеги ты перейдешь к другой. ОСК — телега большая и ржавая. Если резко дернешь — она поломается, а будешь тянуть вполсилы — не сдвинется с места.

Все меняет один выход на спуск нового судна. Когда перед тобой циклопическая громада ледокола, а все подходы, крыши и набережные запружены радостными, нарядно одетыми людьми — людьми, которые не твои заказчики, не твои работники, а просто те, для кого это тоже праздник, у кого сердце бьется и замирает от того же, от чего у тебя… Ровно в этот момент понимаешь, для чего в свое время слушал тележный скрип и зачем пошел в политех. И захотелось сде-

лать все, чтобы таких праздников стало больше, чтобы они не кончались. И не были короткими, как память «Иванов, не помнящих родства»…
Наша главная проблема в том, что за трудные годы мы почти разучились работать вдолгую. И это «короткое» мышление в бизнесе приводит к «коротким» деньгам, а не наоборот. Оно же — вместо желания инвестировать в реальные вещи — плодит торговлю воздухом и разными мистическими ценностями, ответственность за которые — ноль.
Как говаривал в таких случаях один приятель отца: забравшись наверх, большинство хочет хапнуть побольше и драпнуть подальше. Нет, я не идеалист, и все не так просто. Но лишь когда большинство захочет стать большинством «длинных» проектов, тогда изменятся и структура нашей экономики, и само качество управления ею. Просто не смогут не измениться.
Но кто-то же должен это начать!
Уже сейчас много тех, кто, устав бегать по короткому кругу, идет в реальное дело. Чаще всего — в новые технологии. А оттуда ведь — прямая дорога в промышленность… Здесь я, правда, должен сделать одно лирическое отступление. Запускать заново целые отрасли — тем более такие, как кораблестроение (будь оно хоть морским, воздушным или космическим), — много тяжелее, чем поддерживать в трудное время «на плаву». Увы, на границе девяностых и двухтысячных годов самыми пострадавшими опять оказались корабелы. Эксперты говорят, что об отрасли в России всегда вспоминали «по мере поступления угроз». Хоть верь им, хоть не верь, но в год, предшествующий созданию ОСК, не было сдано ни одного военного корабля. «Гражданка» тоже выживала чудом.
Сейчас картина совсем иная. И как раз сейчас нужно инвестировать в настоящее, дабы иметь сильное будущее. И постараться сделать это при нашей жизни, а не только оставить, как у нас привыкли говорить, «в наследство детям» — у них и свое будет. Да и не лучше ли вместе с ними увидеть и еще попользоваться результатами своего труда?!
В конце концов, стали же мы строить приличные автодороги и почти забыли поговорку про две известные «беды». Жаль лишь, забыли, что дороги бывают самые разные — не только асфальтовые. Россия — страна бескрайних водных путей, частенько идущих параллельно с автотрассами. И дорога по воде, мягко говоря, гораздо экологичней. Тем же, кто пеняет на длинные зимы, напомню: мы — первые в мире по числу строящихся ледоколов и ледокольных судов. А значит, в перспективе могли бы стать державой, где навигация (как минимум грузовая) на востребованных речных трассах длилась бы практически круглогодично — конечно, при условии, что они будут соответствующим образом обустроены. В теплые же месяцы ходили бы в круизы по рекам да озерам, не говоря уже про моря. Кстати сказать, и мы — корабелы — тоже. А то, как поется в одной старой песне, «немного обидно, что строят одни, а в море уходят другие».
Мы действительно горды своей профессией. Это такая профессия — не расскажешь даже, сколько буквы ни расставляй… Корни ее — глубоко, в тысячелетней истории страны. Страны сильной, которая невозможна без сильного флота — и его выпало строить нам. И подлодки, и надводные военные корабли, и современные гражданские суда — все это труд корабелов. А про нашу мечту уже сказал выше — чтобы водные пути, востребованные у нас испокон веку, обрели свою новую успешную жизнь.
Помните, в чем счастье инженера? Это было бы как раз его время. *рп*

Шутка ли — из груды мятых бумажек, непонятных рисунков и вороха полубезумных идей вдруг рождаются выверенные чертежи.

orlova

Такая тяжесть

текст: андрей макаревич рисунок: маша сумнина

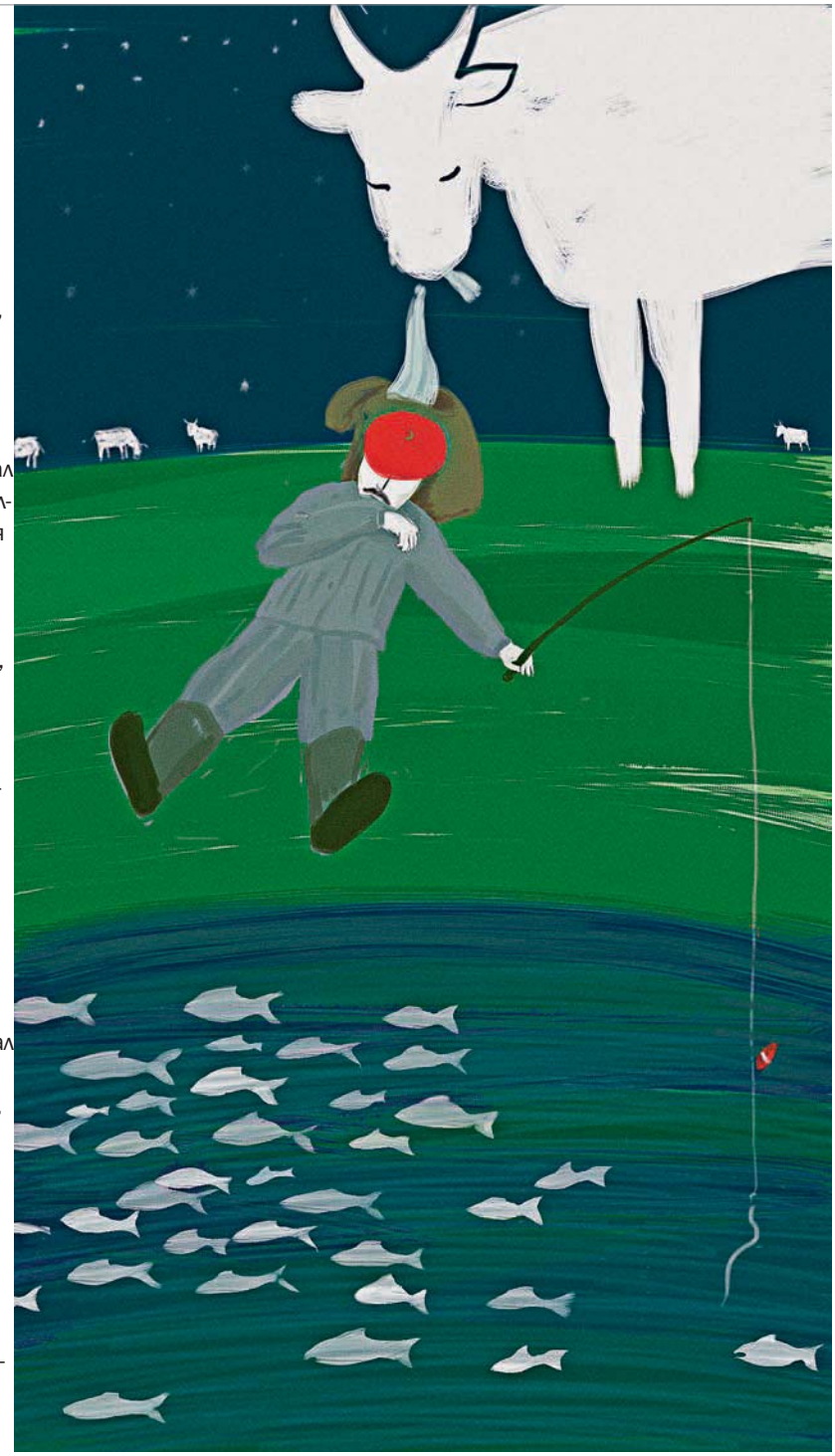
О своих водных приключениях и морских подвигах музыкант Андрей Макаревич уже рассказывал на страницах «РП». Таких историй у него, уверены, на целый номер хватит, да не на один. В сегодняшней его истории действие происходит вроде бы на суше. А получается-то все равно — про корабли.

ЕСЛИ строго по-русски — кораблем называется исключительно военная посудина: крейсер, линкор, торпедоносец. Даже тральщик. А вот сухогруз или мирный круизный теплоход следует называть судном. Ударение на первом слоге. Я всегда вздрагиваю: не дай бог ошибешься с этим ударением, и сразу получится черт знает что такое.

В молодые годы я очень любил уезжать на рыбалку один. На пару дней. На дворе тихо стояли семидесятые годы прошлого века, и конца советской власти еще ничто не предвещало. Я собирал свой зеленый брезентовый военно-пионерский рюкзак (других мы тогда не видали) — вермишель, банку тушенки, котелок, чайничек, кружку, буханку черного, бутылку водки, свитер, накидку от дождя, блесны, запаренный геркулес для леща и плотвы, спиннинг и удочки. Палатки и спального мешка я не брал — мои ватные штаны, усиленные многократным вытиранием об них рук после снятия пойманной рыбы, не пропускали ни воды, ни холода, и, поскольку плотность их напоминала шкуру ящера, они звались «зауроподы». Однажды я ночевал в них прямо на снегу.

Потом я направлялся в районе часа ночи на Савеловский вокзал. Страшен и темен он был в эту ночную пору. Впрочем, и днем в те годы он глаз не радовал. Я шел к плацкартному вагону, давал проводнице рубль — билетов никто не покупал — и, огибая редких и уже пьющих рыбаков и каких-то звероподобных личностей, забирался на вторую полку, клал рюкзак под голову и чутко спал до Калязина. К этому моменту уже светало, я выглядывал в окно — поезд, казалось, стоял прямо посреди бескрайней воды, из которой одиноко и несколько криво торчала колокольня — все прочее накрыло водохранилищем. Пейзаж был грустный и всегда нереально красивый — в любую погоду. Потом поезд начинал ползти в обратном направлении — менял ветку. Еще через час я сходил на станции под названием Высокое. Не сходил — спрыгивал со ступеньки вагона в ковыль, доходивший мне до подбородка: перрона там отродясь не было. И станции, собственно, не было — стоял высокий почерневший сруб из трех стен и крыши — прятаться от дождя. Кассы, разумеется, там тоже никакой не было, и я все время думал: где местные жители покупают билет, когда, скажем, едут в Калязин или Углич за покупками? Тоже дают рубль проводнику?

Стены сруба изнутри были сплошь украшены надписями — обычные приличествующие таким местам слова из трех-пяти букв, иногда в сочетании с женскими именами, но попадались довольно пронзительные вещи: «4 октября 1971 года. Уезжаю в армию. Меня никто не провожал». И особенно (я оторопел, прочитав): «Что есть наша судьба, как не проявление воли и рассудка среди инертной массы обстоятельств, которые предоставляет нам жизнь?» Вот за что я люблю нашу страну.

Я шел по шпалам километра три до маленького железнодорожного моста; справа почти на горизонте виднелась широченная Волга, от нее начинался большой залив, через который мост и был перекинут. Слева от моста залив расширялся и превращался в огромное озеро, окруженное давно не паханными лугами. Дальше темнел сосновый бор, богатый белыми грибами. Ни души, ни признака жилья до горизонта. У меня было любимое место по правому берегу — он тут был сухой, довольно высокий, и прямо от кромки шла глубина: отличное место для леща. Я садился на край бережка, не спеша распаковывал рюкзак, разматывал снасти. Покой и благость, в которые я погружался, я нигде и никогда больше не испытывал (имея привычку делиться радостью, несколько раз брал с собой друзей и даже подруг — напрасно: мешали). Леща следовало прикормить, брать он начинал не сразу.

В тот раз погода стояла какая-то особенно тихо-дремотная — ни звука, ни ветерка. Лещ не клевал, и я не заметил, как заснул. Пробуждение мое было ужасным. Странные звуки вернули меня в сознание, я испуганно обернулся: весь луг позади меня был заполнен коровами, а самая главная стояла от меня на расстоянии вытянутой руки и, грустно глядя мне прямо в глаза, ела своей огромной мордой, роняя слюни, черный хлеб прямо из моего рюкзака — вместе с целлофановым пакетом. Я заорал, корова нехотя ускакала вдаль с остатками моего хлеба в зубах. Приковылял маленький лукавый мужичок — пастух. Мы познакомились.

Пастуха звали дядя Леша. Мы поговорили о рыбалке — о том, что второй день не клюет, потому что давление и рыба от этого ушла на самое дно, а вот третьего дня — да, клевало, и сам дядя Леша натаскал отличных лещей («Лящ — шо лопата! Его тащишь, а он глазами крутит, как дезертир!»). В процессе беседы дядя Леша поглядывал на бутылку, торчавшую из моего разоренного коровой рюкзака, и в конце концов позвал меня к себе ночевать. Деревня стояла неожиданно недалеко, просто с берега ее не было видно.

Деревня оказалась маленькой, древней и почти брошенной; я пришел туда уже в темноте. И избушка у дяди Леши была крохотная, ушедшая одним боком в землю. Кринки на заборе, пара совсем черных икон в углу, фотографии родителей в рамке, немыслимый коврик с оленями на стене, русская печка, занимавшая половину всего пространства, — дядя Леша и его бабка Матрена на ней спали. Мы как-то сразу подружились, и останавливался я у них потом много раз. Дядя Леша, выпив, делался озорным и начинал божественно врать про свою жизнь. Утверждал, например, что он старый рабочий-путиловец, отчаянный революционер. По возрасту не очень сходилось, но это еще ладно. А вот тот факт, что он лично присутствовал на съезде, на котором Ленин провозгласил советскую власть, уже совсем ни в какие ворота не лез. У дяди Леши, правда, было неопровержимое доказательство — вырванная из журнала «Огонек» репродукция картины Серова, на которой Ленин как раз провозглашает эту самую советскую власть. Дядя Леша тыкал коричневым пальцем в затылок какого-то большевика на переднем плане и кричал: «Вот! Смотри! Я!» Аргумент обычно сражал собеседника наповал.

В тот первый вечер мы прекрасно выпили водки под вареную картошку с малосольными огурчиками, поговорили про рыбалку, про восстание путиловцев. Потом бабка Матрена постелила мне на лавке, дядя Леша, кряхтя, полез на печку, а хозяйка задула керосиновую лампу и замерла у окна. Сделалось темно, в окошке видна была Волга, горели огоньки бакенов, и мимо них беззвучно шли баржи и пассажирские теплоходы, палубы и окна их светились. «Волга-то вся в огнях», — проговорила бабка Матрена, чудесно окая. И, помолчав, добавила: «Вот чего не могу понять: как это такая тяжесть — и на воде держится?» — «Эх, дура баба…» — огорчился дядя Леша с печки и замолчал. Похоже, у него не было ответа. Я прямо чувствовал в темноте, как он смотрит на меня с надеждой.

Я отвернулся к стене и притворился спящим. Я тоже не имею ни малейшего понятия, как такая тяжесть держится на воде.

из архива пресс-службы ао «оск»

Мускулы атомной подлодки

текст: алексей иванов рисунок: аксеновы

Рабочий Алексей Иванов недавно стал Героем Труда. И теперь он подтвердил это высокое звание, написав эту колонку для журнала «Русский пионер». Надо же: простым человеческим языком взял и рассказал какую-то настоящую правду. Основательно и честно. Пишет так же, как работает и живет.

ПЯТЬ КИЛОГРАММОВ потеряла моя жена. И я… Непривычно все это: журналисты, поездки, само награждение. Я начал волноваться, когда еще в первый раз — в администрацию президента — поехал. Мне ведь не сказали зачем. Там узнал, что будут присваивать звание Героя Труда России. А пока в коридоре ждал, когда вызовут, с врачом из Краснодара познакомился. Оказалось, ему тоже будут присваивать Героя Труда. Хороший мужик. Потом сидели с ним, чай-кофе пили, обсуждали, кто кого с собой на награждение возьмет. Он смотрит на меня и говорит: «А костюмчик-то тебе надо заменить». А пиджак у меня нормальный — лет пять ему. Приехал в Северодвинск — пришлось всей семьей два дня по магазинам ходить. Рост-то у меня под два метра — непросто. Это на работе не замечаешь уже, что высокий. Привык: сорок три года на подводных лодках, в каких только условиях работать не приходится. Слесарь-монтажник судовой — это ведь не гайки крутить. Голова нужна. Наша работа — система гидравлики — «мускулы» атомной подводной лодки. И «кабинет» мой — от первого отсека до последнего. От того, как все правильно и качественно сделаем, зависит движение корабля. Поэтому думать надо в первую очередь. Двадцать один корабль уже построил со своей бригадой. Без нареканий. Прежде чем сдавать продукцию, нужно самому все проверить досконально, чтобы не было недоразумений с руководством. Только после этого — в отдел технического контроля… Интересная работа. Сначала заказ в цехе видишь, как растет, а потом на испытаниях в море. И везде слесарь-монтажник судовой — это прежде всего голова. Если не идет что-то на заказе — думай, как дело поправить. На одной из АПЛ так случилось. У меня была бригада из 30 человек, мы занимались монтажом всей общекорабельной гидравлики. Сказать, что там случилось, не могу — не имею права. Но, чтобы все наладить, надо было вызывать проектанта и ждать его решения не один месяц. Я нарисовал эскизы судовой арматуры. Мое предложение одобрили. Заводские конструкторы разработали чертежи. Все, работа дальше пошла. И график не сорвали. Главное — сделать на совесть и никого не подвести.

Путин тоже об этом в Кремле говорил. Мужик он хороший. Опоздал на 20 минут — там тоже свои дела у него. Ну и я не стал его задерживать, сказал «спасибо». Он наградил, я ушел с трибуны. Забыл про День кораблестроителя сказать. Вылетело — волновался! А праздник нужен. Уже после церемонии сказал, когда Путин нас с шампанским поздравлял. Начали чокаться с ним, он спросил у меня и у директора завода Михаила Анатольевича (тот тоже на награждении был, мы с ним когда-то в одном цехе работали): «Как дела на предприятии?» Все нормально, говорим, работы много. И сверхурочно. Все стапеля заняты строитель-

Сначала заказ в цехе видишь, как растет, а потом на испытаниях в море. И везде слесарь-монтажник судовой — это прежде всего голова.

ством атомных подводных лодок. Летом будем лодку из цеха выводить. Директор пригласил президента. А потом я ему сказал, что у нас праздника нет. Два года пытаются что-то сделать — не идет! Путин не знал, сказал: «В первый раз слышу. Рассмотрим». Молодец, конечно. Мы, кстати, с ним с одного года. Очень понравился. Вроде трясешься, а такой же человек, как все. Не страшный…

Приехал в город, на дачу. Соседи пришли. Ой, говорят, хотя бы Путин еще годика три-четыре поправил, пожить бы по-хорошему. Нравится им Путин.

А после Москвы и я, и дочь, и жена с температурой лежали. Простыли. Потому и поехать 9 мая на парад на Красной площади не смог. Хотя приглашали, звонили. Много кто звонил после награждения, поздравляли. Вчера еду в автобусе — Юра с 8-го участка окликнул. Говорит, рад за предприятие. И в компьютере у жены в друзья товарищ с Греции попросился. Пишет, что служил со мной. Может, обознался? Все равно — спасибо всем. Надеюсь, что своей привычной жизни из-за награды не придется менять. Я ведь мужик, не общественный деятель… Вот после награждения познакомился с шахтером — там были Герои Труда прошлых лет, — он сейчас в Госдуме работает. Права шахтеров защищает. А я… я здесь нужен. Кораблей много идет. И завтра будем подавать электропитание на один из них. Надо все подготовить. Очень ответственный этап. Стране нужны надежные подводные лодки.